

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Плутов Л.Е. — Половая специфика обращения российских подростков за профессиональной психологической помощью // Социодинамика. – 2023. – № 10. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.10.68771 EDN: LHRWYK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68771

Половая специфика обращения российских подростков за профессиональной психологической помощью

Плутов Леонид Евгеньевич

ORCID: 0000-0003-1270-4227

аспирант, кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7/9

✉ le.plutov@yandex.ru

[Статья из рубрики "Социальные исследования и мониторинг"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.10.68771

EDN:

LHRWYK

Дата направления статьи в редакцию:

21-10-2023

Аннотация: Влияние социальных факторов обращаемости подростков за профессиональной психологической помощью представляется актуальной научно-практической проблемой как в глобальном, так и в российском контексте. В настоящей статье выявляется специфика стратегий и сценариев поиска и получения психологической помощи среди юношей и девушек 14-17 лет на основе результатов количественного социологического исследования подростков России. Онлайн-опрос репрезентативной выборки (N = 17 000) ставил задачи измерить показатели обращаемости за помощью психолога среди двух половых групп, оценку данного опыта, распространенность различных копинг-стратегий и социальных установок по отношению к психологической помощи среди российских подростков. Результаты показали значимые различия опыта юношей и девушек в данных аспектах. В частности, респонденты женского пола чаще имели опыт обращения за услугами психолога и использовали данную практику для решения собственных психоэмоциональных проблем. Юноши значительно реже открыты к обращению за профессиональной психологической

помощью, что может быть связано со стигматизирующими социальными установками, свойственным мужчинам в целом. Учитывая обнаруженные тенденции, ключевыми направлением будущих исследований признается анализ половых различий в разрезе грамотности российских подростков в сфере ментального здоровья, а также их уязвимости к социальному фактору стигмы.

Ключевые слова:

подростки, психологическая помощь, обращение за помощью, ментальное здоровье, факторы обращения, пол, социальные установки, социальные практики, количественное исследование, онлайн-опрос

Введение.

Одним из ключевых вопросов изучения социальных практик заботы о ментальном здоровье человека выступает феномен обращаемости и не-обращаемости за психологической помощью. Острота данной проблематики обосновывается рядом эмпирических исследований, согласно которым социальные группы риска, наиболее нуждающиеся в профессиональном вмешательстве, с меньшей вероятностью способны обратиться и получить квалифицированную психологическую помощь [\[17, 293\]](#). Одной из таких групп традиционно выступают подростки 14-17 лет. По результатам различных исследований, в среднем только 25% подростков обращаются за психологической помощью в случае возникновения психоэмоциональных проблем [\[14, 711\]](#). Примерно с той же вероятностью (33%) за профессиональной помощью обращаются подростки с наблюдаемыми и диагностируемыми психическими расстройствами [\[11\]](#). В частности, подростки, страдающие от наиболее распространенного в данном возрасте расстройства – депрессии, склонны обращаться за помощью специалиста в 15-36% случаев [\[9, 2\]](#). Таким образом, результаты эмпирических исследований в различных обществах демонстрируют негативную тенденцию, при которой в среднем три четверти подростков не готовы обращаться за психологическими услугами и остаются без надлежащей помощи.

Данный феномен становится актуальной, социальной и глобальной проблемой, признаваемой в том числе Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ), поскольку отсутствие внешней помощи и вмешательства является фактором риском для дальнейшего развития подростка. Наличие неразрешенных психологических трудностей и психических расстройств оказывает негативное воздействие на благополучие и социальную деятельность подростка, создает риски реализации и безопасности его будущей жизни, образовательных и карьерных траекторий [\[15-18\]](#). Также возрастает вероятность суицидального поведения и суицидов, находящихся в тройке наиболее распространенных причин подростковой смертности, согласно статистике ВОЗ. В ответ на данные риски возрастает значимость психологических служб и комплексных систем психологической помощи, работа которых направлена на профилактическую и просветительскую деятельность, в том числе на рост числа обращений среди подростков, которые сталкиваются с проблемами в сфере ментального здоровья.

Актуальность проблемы обращаемости подростков за психологической помощью отчетливо прослеживается не только в мировом, но и в российском контексте. Начиная с 2019-2020 годов, данная проблема стала чаще оказываться во внимании отечественных

исследователей, в частности, изучавших проблематику ментального здоровья подростков в контексте факторов их обращения за профессиональной помощью [\[6\]](#), формирования потребности в ней [\[4\]](#), специфики отдельных узких групп подростков, нуждающихся в социально-психологической поддержке [\[7\]](#). Помимо этого, формируется и реализуется запрос на информационно-аналитические исследования в данной сфере, отличающиеся количественной стратегией с использованием репрезентативной половозрастной выборки российских подростков. Вопросы масштабирования и повышения эффективности системы психологической помощи в РФ, в частности, применительно к целевым группам подростков, также становятся объектом законодательства и государственной политики. Приоритетность данных задач нашла отражение в заявлениях Президента РФ В. В. Путина в ходе II Конгресса молодых ученых 2022 года. Помимо прочего, активизируется деятельность в сфере масштабирования психологических служб в учебных заведениях, ведется дальнейшая проработка Федерального закона «О психологической помощи в Российской Федерации». Кроме этого, перспективным источником профессиональной психологической помощи подросткам представляется и частный сектор, выросший на российском рынке за 2022 год примерно на 63%, согласно данным сервисов по подбору психологов и персонала в целом.

Таким образом, изучение практик российских подростков в сфере получения психологической помощи выступает актуальной научной и прикладной задачей в российском контексте. Тем не менее, на данный момент наблюдается недостаточная проработанность проблемы обращаемости подростков за психологической помощью в отечественной литературе. Учитывая, что почти все из имеющихся работ написаны по результатам исследований с частной невоспроизводимой выборкой, повышается значимость масштабных количественных исследований, способных сформировать комплексное понимание практик и установок подростков в сфере ментального здоровья в масштабах РФ. Кроме того, значимой прикладной задачей, необходимой для последующей работы с подростками, представляется сегментация целевых групп на основе ключевых факторов обращаемости за психологической помощью: одним из наиболее значимых и, в то же время, наблюдаемых индикаторов признается пол подростка [\[12\]](#). Согласно ряду зарубежных исследований, гендерно-половые различия прослеживаются не только в частоте обращений за помощью специалиста, но и в готовности его совершения, выборе конкретных источников психологической помощи, распространенности гендерно-специфичных психологических проблем, уровне информированности в сфере ментального здоровья, а также прослеживаемых социальных установках по отношению к специалистам, иным источникам помощи, заботе о собственном психологическом здоровье [\[16\]\[19\]](#).

Цель настоящей статьи – выявить гендерно-половую специфику обращаемости за профессиональной психологической помощью среди российских подростков.

Теоретическая рамка.

Феномен «обращаемости за психологической помощью» концептуализируется генерализированным определением Д. Риквуд и К. Томас, трактующим его как «адаптивный копинг-механизм, представляющий собой попытку получить внешнее содействие по совладанию с проблемой, связанной с психическим здоровьем» [\[5, 92\]](#). Одним из ключевых характеристик данного динамического процесса представляются источники психологической помощи – формальный, в лице специалистов в сфере ментального здоровья (психологов, психотерапевтов, психиатров) и неформальный, в

лице родителей/опекунов подростка, членов его семьи, друзей и сверстников, педагогов, а также иных значимых взрослых. Кроме того, использование модели, которую разработали Д. Риквуд и К. Томас, объясняет значимость исследования иных формальных характеристик процесса обращаемости за помощью (периода последнего обращения, психоэмоционального запроса и типа полученной помощи), а также многообразия субъективно оцениваемых факторов, среди которых – качество полученной помощи, инициативность обращения, отношение к психологической помощи в целом и др.

Эмпирическое исследование реализовано в рамках парадигмы “конструктивистского структурализма” П. Бурдьё и теории структуризации Э. Гидденса: методологический консенсус в отношении традиционной дихотомии «агента – структуры», предлагаемый данными авторами, позволяет описать и объяснить обращаемость подростков за психологической помощью как комплексный социальный феномен, представляющий собой результат как внутренней «акторности» субъекта (его намерений, готовности к получению психологической помощью, предпринимаемых шагах к ее получению), так и влияния внешних структур, инкорпорированных в форме «габитуса» [2]. В теории структуризации Э. Гидденса структурные факторы также выступают скорее внутренним, нежели внешним условием человеческой деятельности [3]. Таким образом, данный подход позволяет избежать эвристических сложностей измерения внешних, объективных структурных конфигураций, зачастую недоступных в социологическом исследовании, вместо этого открывая возможности анализа внутренних проявлений структур в обращаемости подростков к услугам специалиста, интернализованных в понятии их «социальных установок» в отношении психологической помощи.

Социальные установки российских подростков в отношении института психологической помощи рассматривается преимущественно в традиции теории стигматизации И. Гофмана в рамках социологии ментального здоровья. Оригинальное определение стигмы как «клейма, нежелательного отхождения от социальных ожиданий» используется в определении распространенности стигматизирующих установок в отношении получателей психологической и психиатрической помощи, формирующих негативный образ обращения за ней [10]. Именно социальная стигма является наиболее изучаемым барьером обращаемости в массиве литературы и исследований, объектом которых выступали подростки [17, 293]. Согласно им, наличие стигматизирующих установок способно не только значительно увеличить время, необходимое подростку для контакта со специалистом для разрешения собственных психоэмоциональных проблем, но и формировать феномен «самостигматизации» подростка, связанный со чувством стыда и боязни социального осуждения в случае обращения за помощью к психологу. Иной концептуальной моделью, используемой в настоящем исследовании и также основанной на теории стигматизации И. Гофмана, является модель онлайн-источников психологической помощи П. Бэст, согласно которой воспринимаемая подростками стигма также определяет их склонность искать помощь в Интернете, посредством низкопороговых онлайн-сервисов психологической помощи [8, 1068].

Важно отметить, что в теоретическом плане исследование не основывается на гендерном подходе в социологии. Пол, в свою очередь, выступает не ключевой перспективой анализа, а эмпирическим маркером, демонстрирующим влияние на обращаемость подростков за психологической помощью иных латентных переменных – особенностей гендерной социализации, половых различий в восприятии и разрешении собственных психоэмоциональных проблем, самих проблем, более свойственных девушкам и юношам

14-17 лет и т.д. Таким образом, социально-демографический фактор пола не служит инструментом исчерпывающей интерпретации тенденций обращения подростков за помощью психолога, но дает любопытную сравнительную статистику: на основе нее представляется возможным формирование новых гипотез о половых различиях в поиске и получении российскими подростками психологической помощи.

Методология.

Эмпирическое исследование обращаемости подростков РФ за психологической помощью стало одной из задач комплексного социологического исследования ««Подростки 360°», реализованного в рамках стратегической программы «Подростки России» Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. Сбор полевых данных был проведен в июне-сентябре 2022 при участии Ресурсного центра «Центра прикладной социологии» СПбГУ и Социологической клиники прикладных исследований СПбГУ: автор настоящей статьи принимал участие во всех этапах проекта, использование данных согласовано с исследовательским коллективом.

Объектом количественного исследования стали подростки 14-17 лет, проживающие на территории 85 субъектов РФ (на момент проведения исследования). Предмет исследования – социальные практики и установки подростков в сфере заботы о собственном ментальном здоровье и получении профессиональной помощи. Метод сбора данных – онлайн-опрос. Выборка исследования является квотной, кластеризированной, репрезентативной по полу, возрасту, численности подростков в федеральных округах РФ и типам населенных пунктов, а также их поло-возрастному распределению в каждом из федеральных округов: квотное задание представлено в Таблице 1. Распределения построены с учетом данных федеральной статистики по численности населения от 1 января 2022 года. Общий объем выборочной совокупности составил 17 000 респондентов (доверительный интервал – 1%, доверительная вероятность – 99%).

Федеральный округ	Пол		Возраст				Тип поселения	
	Юноши	Девушки	14	15	16	17	Городское	Сельское
Центральный	51%	49%	26%	24%	25%	25%	82%	18%
Северо-Западный	51%	49%	26%	24%	25%	25%	85%	15%
Южный	51%	49%	27%	25%	24%	24%	59%	41%
Северо-Кавказский	50%	50%	27%	24%	25%	24%	46%	54%
Приволжский	51%	49%	27%	24%	24%	25%	72%	28%
Уральский	51%	49%	27%	24%	24%	25%	81%	19%
Сибирский	51%	49%	27%	24%	24%	25%	71%	29%
Дальневосточный	51%	49%	26%	24%	25%	25%	69%	31%

Таблица 1. Квотное распределение выборочной совокупности, %

Выборка является невероятностной, поскольку формировалась посредством интернет-рассылки и размещением ссылок на прохождение онлайн-опроса. Распространением опроса занимались региональные органы исполнительной власти и гражданские объединения, в частности, детские общественные советы при уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации и региональные министерства/комитеты/департаменты образования. Инструментарий опроса, посвященного различным аспектам обращаемости подростков за психологической

помощью, содержал разнообразные номинальные и порядковые шкалы. Исследование было проведено согласно этическим стандартам проведения социологических исследований с участием детей, которое являлось добровольным и анонимным. Кроме того, на этапе разработке инструментария особое внимание уделялось созданию комфортного языка и коммуникации с респондентом, их ориентация на целевую группу подростков. Обработка и анализ полученных данные произведен в IBM SPSS Statistics. В рамках данной статьи представлены результаты исследования, выявленные одномерным частотным анализом.

Результаты.

В первую очередь были выявлены копинг-стратегии, которые используются подростками в случае возникновения трудностей личного или эмоционального характера (рис. 1). Половина подростков обоего пола, принявших участие в исследовании, используют стратегию поиска поддержки у родственников: родителей или сиблингов. Также распространен запрос на поддержку у ближайшего окружения: друзей, одноклассников, - у трети респондентов (35% для девушек, 28% - для юношей). При этом около трети подростков обоего пола не обращаются за поддержкой и не используют альтернативные способы справляться с психоэмоциональными трудностями, не делясь своими переживаниями. Примечательно, что юноши чаще девушек (30% vs 25%) избирают стратегию не обращения за чьей-либо помощью, а также незначительно чаще обращаются за советом к старшему окружению, не являющегося близким родственником: наставникам, преподавателям (5% для девушек, 7% для юношей). Девушки же значительно чаще (10%), чем юноши (2%) предпочитают вести дневник (в любом формате) в качестве способа справиться с психоэмоциональным напряжением. В Интернете ищут поддержку одинаково часто как юноши, так и девушки (9% для обоих полов); такой копинг-стратегией пользуется около 1/10 от числа респондентов.

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если у тебя вдруг возникают в жизни какие-то трудности личного или эмоционального характера, как ты чаще всего стараешься с ними справиться?» (в % к числу ответивших, множественный выбор)

Отдельной копинг-стратегией выделялось обращение к специалисту в сфере

психологического здоровья – в частности, к психологу. В данном случае, обращаемость за психологической помощью рассматривается в качестве устойчивой социальной практики, принимаемым подростком и доступным ему сценарием разрешения своих психоэмоциональных трудностей. Дифференция результатов по половому признаку подтвердилась: девушки гораздо чаще (5%), нежели юноши (2%) избирают обращение к психологу в качестве копинг-механизма. В целом, возрастная группа склонна искать поддержки у близкого окружения, как внутри семьи, так и среди друзей, в трети случаев – использовать стратегию замалчивания и/или игнорирования психоэмоциональных проблем. Общие результаты демонстрируют, что на данный момент практика обращения к психологу или другому специалисту в сфере ментального здоровья не нашла широкого распространения в повседневной жизни российских подростков, особенно юношей.

Как следствие, в подтверждение данного тезиса следует статистика опыта обращения за психологической помощью среди российских подростков (рис. 2). Подавляющее большинство респондентов не имела соответствующего опыта. При этом девушки вдвое чаще (19%), чем юноши (10%) имели опыт обращения за психологической помощью хотя бы единожды.

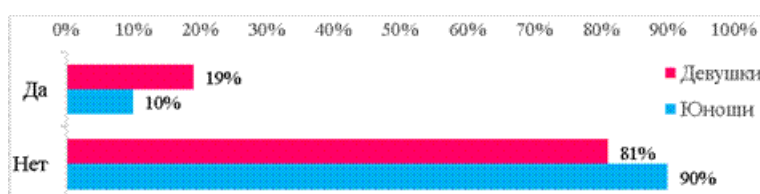

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «А ты когда-нибудь в своей жизни обращался(-ась) за психологической помощью?» (в % к числу ответивших)

В отношении причин необращения за психологической помощью наблюдается ряд любопытных тенденций (рис. 3). Так, подростки более склонны оценивать свое состояние как не требующее помощи специалиста, причем юноши заявляют о таковой причине необращения чаще девушек (61% для девушек, 76% для юношей). Также среди 1/5 подростков распространено мнение о необходимости самостоятельно разрешать возникающие проблемы психоэмоционального характера. Юноши чаще девушек считают, что им не требуется помощь совсем, а девушки, в свою очередь, незначительно чаще юношей убеждены в необходимости самостоятельного разрешения проблем (20% для девушек, 19% для юношей). Также девушки значительно чаще (17%), чем юноши (6%) заявляют о дороговизне услуг психолога в качестве причины необращения, и чаще юношей (14% для девушек, 5% для юношей) – неосведомленность о доступных источниках и сервисах психологической помощи подросткам. Стигматизация обращения за помощью (варианты «Меня за такое засмеют» и «Потом это наверняка как-то плохо повлияет на мою жизнь») слабо распространена среди подростков обоего пола.

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Скажи, пожалуйста, почему ты никогда не обращался(-ась) к психологу?» (в % к числу ответивших)

Таким образом, среди декларируемых причин не обращения за психологической помощью крайне выделяется убежденность в отсутствии необходимости в профессиональной помощи. Принимая во внимание низкую распространенность опыта обращения за психологической помощью, а также копинг-стратегии современных подростков, среди которых треть занимает замалчивание и/или игнорирование своих проблем, поднимается вопрос об уровне самодиагностики подростков – возможности корректно определить симптомы психического расстройства и оценить необходимость внешнего вмешательства специалиста. В целом, сложности признания необходимости в помощи и самодиагностики отклонений как вероятная причина не обращения за помощью больше свойственна юношам, в то время девушки значительно чаще отмечали инструментальные причины не обращения – нехватку денежных средств, информированности о возможностях получения помощи, степени свободы и контроля со стороны семьи.

Интересно, что среди имеющих опыт обращения к психологу девушки значительно чаще юношей обращались к психологу по собственной инициативе (рис. 4); 45% юношей, напротив, заявило о том, что опыт внешней интервенции и терапии стал следствием наставления или решением другого лица – родителей, педагогов, социальных и медицинских работников и т.д. Данные результаты делают очевидной тенденцию большей распространенности практики обращения за психологической помощью среди девушек, в том числе – за счет их большей осознанности в необходимости помощи специалиста и инициативности в ее получении. В свою очередь юноши чаще убеждены в отсутствии необходимости привлечения услуг психолога. Вероятна и обратная гипотеза, согласно которой опыт самостоятельного, автономного взаимодействия со специалистом, который более свойственен девушкам, повышает успешность как самого обращения, так и последующего формирования стратегии посещения психолога на регулярной основе, в качестве принимаемой и реализуемой социальной практики заботы о собственном ментальном здоровье.

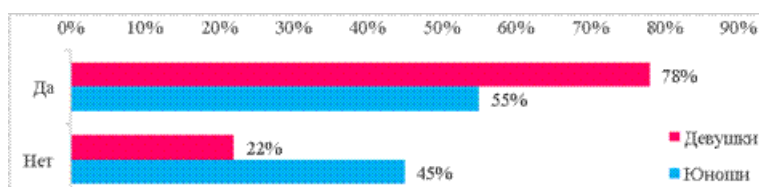

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Обращение к психологу – это твоя личная инициатива?» (в % к числу ответивших)

Также была измерена субъективная оценка результативности обращения к специалисту в сфере психологического здоровья. Подростки чаще упоминают о том, что присутствует разная степень улучшения их состояния: так, для трети подростков обоего пола очевидны большие положительные изменения в их стартовой ситуации обращения (31% для девушек, 29% для юношей), для пятой части респондентов – незначительные улучшения проблемной ситуации (22% для девушек, 18% для юношей). Интересно, что юноши чаще девушек отмечают полное разрешение проблемы (18% для девушек, 32% для юношей), что может быть связано с множеством факторов, которые с помощью данной статистики невозможно достоверно указать. Несмотря на то, что для 24% девушек и 17% юношей ситуация не изменилась, а для около 5% респондентов обоих полов ситуация ухудшилась, нельзя не говорить о положительных тенденциях оказания психологической помощи подросткам.

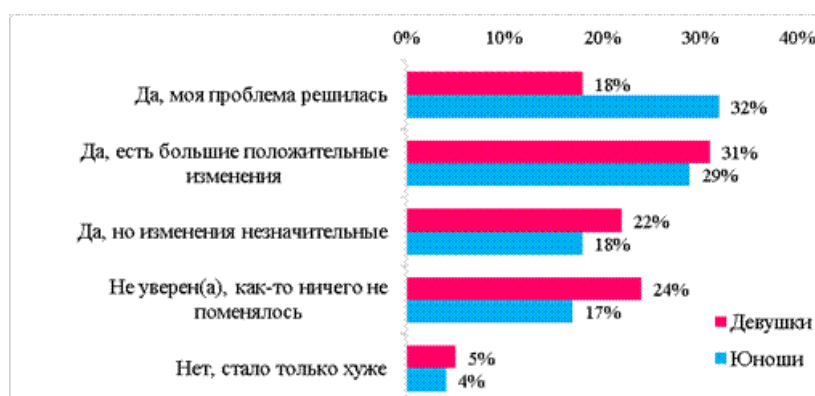

Рисунок 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «По твоему мнению, тебе помогло обращение к психологу» (в % к числу ответивших)

В завершающем блоке вопросов, посвященных установкам подростков на получение различных видов психологической помощи, отношению к ее источникам и роли в целом, респондентам было предложено выразить свое согласие или несогласие с рядом утверждений (рис. 6). Прежде всего, результаты исследования позволяют утверждать об отсутствии массовой стигматизации психологической помощи, а также ее получателей в сознании российских подростков. При этом важно отметить, что среди подростков, находящихся под негативным воздействием стигмы, юноши значительно чаще предвзяты к специалистам в сфере психологического здоровья (12% для девушек, 22% для юношей) и людям, получающим психологическую помощь (10% для девушек, 22% для юношей). Интересно также следующее: наблюдается примерный паритет мнений по отношению к утверждениям о частных и школьных психологах, в то время как государственную психологическую помощь подростки не склонны считать уступающей по качеству услуг частным специалистам. Девушки, тем не менее, реже склонны доверять школьным психологам (59% для девушек, 47% для юношей) и государственной психологической помощи (45% для девушек, 37% для юношей), чем юноши. Таким образом, половая специфика российских подростков заметна в вопросах доверия и стигматизации 4 из 5 измерений психологической помощи. Ни очевидных предрассудков, ни значимых половых различий не наблюдается в отношении подростков к психологической помощи, оказываемой дистанционно. Данная тенденция отчасти опровергает концептуальную модель П. Бэста, согласно которой ориентация на дистанционную помощь больше свойственна юношам, чаще сталкивающимся со ситуациями стигматизации психологической помощи. Впрочем, это также способно

говорить о равных возможностях доступа юношей и девушек к цифровым инструментам психологической помощи и возможности их распространения среди целевых групп подростков, сталкивающихся с барьерами обращения за очной помощью: например, маломобильных подростков, жителей сельских поселений без медицинских/психологических учреждений и т.д.

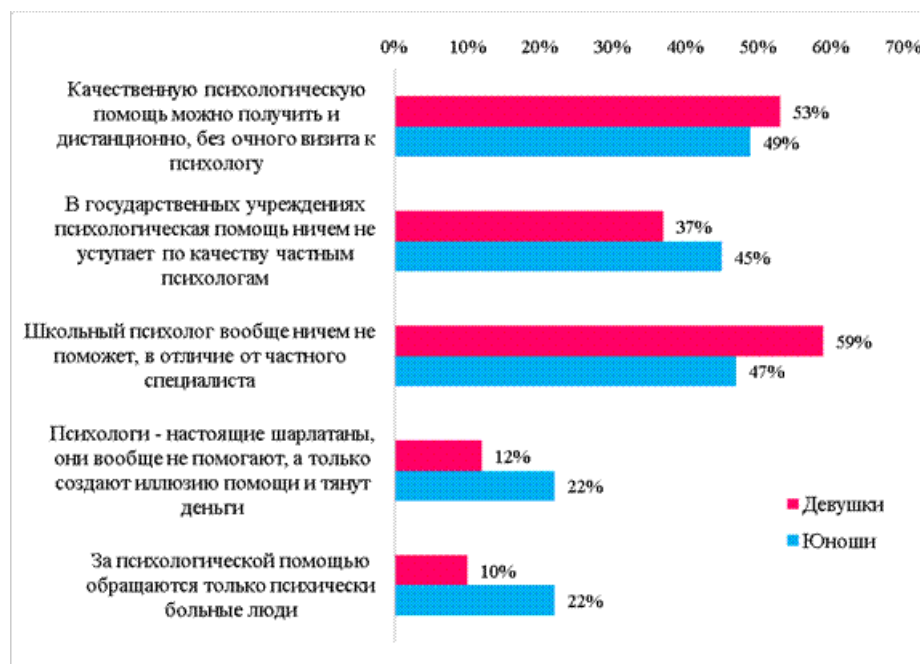

Рисунок 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Ниже мы составили несколько утверждений о психологической помощи. Пожалуйста, оцени, насколько ты можешь с ними согласиться или не согласиться» (в % «скорее согласных» и «абсолютно согласных» к числу ответивших)

Выводы и обсуждение

Результаты исследования продемонстрировали, что девушкам и юношам 14-17 лет действительно свойственны различные социальные установки и сценарии обращения за профессиональной психологической помощью. В целом, женская часть выборки демонстрирует большие показатели обращаемости за помощью – как в форме первичного контакта с психологическими службами, так и в форме устойчивого копинг-механизма для профилактики и разрешения проблем в сфере ментального здоровья. Кроме того, российским девушкам в возрасте 14-17 лет также более свойственна активная позиция и собственная инициативность в поиске внешней помощи и ее получении, признаки ее дестигматизации и хабиутализации в рамках повседневной жизни. Наблюдаемые причины не обращения девушек за психологической помощью, напротив, реже связаны с внутренними факторами (осознании потребности во внешней помощи, готовности к ее получению, стигматизации и самостигматизации) и чаще – скорее с внешними, инструментальными причинами, связанными с информированностью о психологических услугах и их доступностью. Распространенность обращения за психологической помощью среди юношей, в свою очередь, значительно ниже, что может коррелировать скорее с внутренними, индивидуально-психологическими факторами готовности к внешней интервенции, а также стигматизирующими социальными установками по отношению к профессиональной психологической помощи.

Впрочем, валидность данных гипотез нуждается в подтверждении в ходе последующих эмпирических исследований. Важно понимать, что полученные сравнительные результаты говорят о том, что половой фактор в обращаемости подростков за

психологической помощью хоть и является ее видимым предиктором, однако сам детерминирован иными латентными переменными. В частности, таковыми представляются факторы грамотности подростков в сфере ментального здоровья и стигматизации психологической помощи в целом. Так, результаты аналогичных исследований доказывают, что девушке чаще демонстрируют лучшие показатели грамотности и осведомленности в данной сфере, нежели юноши [\[13\]](#). Фактор низкой осознанности и грамотности в отношении собственного психологического здоровья также склонен тесно переплетаться с проявлениями стигмы по отношению к обращению за психологической помощью. Исследования данной проблемы на выборке совершеннолетнего населения демонстрируют, что мужчины в целом негативнее относятся к профессиональной психологической помощи и хуже способны определять как проявления психологических/психических расстройств, так и момент необходимости их разрешения: данные явления также ассоциируются с проявлениями маскулинности (в частности, в потребности к большей автономности и самостоятельному решению собственных трудностей) и феминности личности, а также социальных установок по отношению к внешней помощи, закладываемых в ходе гендерной социализации [\[1\]](#). Таким образом, продолжение научных изысканий в данной проблематике может заключаться в сфокусированной проверке факторов ментальной грамотности и стигматизации среди российских подростков обоих полов.

В заключение, необходимо также помнить и о прикладной значимости подобных исследований для обеспечения равного доступа психологической помощи для подростков РФ и эффективного разрешения их психоэмоциональных проблем. Важным здесь представляется субъективная оценка подростками результатов внешнего вмешательства, которым, согласно данным, также свойственна дифференциация по половому признаку. Механизмы повышения качества психологической работы с девушками, чаще сталкивавшихся с неудовлетворительными результатами своего обращения, как и эффективность профилактической и просветительной работы с юношами 14-17 лет, испытывающими преимущественно социально-психологическое сложности в обращении за помощью, рекомендуется также разрабатывать на основе будущих социологических и психологических исследований данной проблематики.

Библиография

1. Аникина В. О., Попова А. Г., Васильева Н. Л. Субъективные факторы обращения за психологической помощью мужчин // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. №5 (8). С. 1-18.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.
3. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. Москва: Академический проект, 2003. 528 с.
4. Ипполитова М. Ф., Кононова Т. А., Страдымов Ф. И. Исследование психоэмоционального состояния подростков в условиях стрессоформирующей ситуации распространения новой коронавирусной инфекции // Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2021. № 2 (17). С. 65-76.
5. Казанцева Т.В., Антонова Н.А., Ерицын К.Ю. Обращение за профессиональной помощью в сфере психического здоровья: концептуализация понятия и анализ предикторов // Петербургский психологический журнал. 2019. № 28. С. 88-117.
6. Резун Е. В., Слободская Е. Р., Семенова Н. Б., Риппинен Т. А. Проблемы психического здоровья и обращения за помощью среди подростков // Сибирский психологический журнал. 2021. № 79. С. 189-202.

7. Шайгерова Л. А., Долгих А. Г., Ушков Ф. И., Алмазова О. В. Роль различных источников социально-психологической поддержки в субъективном благополучии несовершеннолетних, ожидающих решения суда в следственном изоляторе // Прикладная юридическая психология. 2019. № 4. С. 39-49.
8. Best P., Gil-Rodriguez E., Manktelow R., Taylor B. J. Seeking help from everyone and no-one: Conceptualizing the online help-seeking process among adolescent males // Qual. Health Res. 2016. №. 26. Pp. 1067-1077.
9. Eigenhuis E., Waumans R. C., Muntingh A. D. T., Westerman M. J., van Meijel M., Batelaan N. M. et al. Facilitating factors and barriers in help-seeking behaviour in adolescents and young adults with depressive symptoms: A qualitative study // PLoS ONE. 2021. № 3 (16). Pp. 1-20.
10. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. London: Penguin [1990], 1963. 176 p.
11. Green H., McGinnity Á., Meltzer H., Ford T., Goodman R. H. Mental health of children and young people in Britain. Palgrave: Hampshire, 2005. 416 p.
12. Haavik L., Joa I., Hatloy K., Stain H. J., Langeveld J. Help seeking for mental health problems in an adolescent population: the effect of gender // Journal of mental health. 2019. № 5 (28). Pp. 467-474.
13. Hadjimina E., Furnham A. Influence of age and gender on mental health literacy of anxiety disorders // Psychiatry research. 2017. № 251. Pp. 8-13.
14. Hintzpeter B., Klasen F., Schon G., Voss C., Holling H., Ravens-Sieberer U. Mental health care use among children and adolescents in Germany: Results of the longitudinal bella study // Child Adolesc. Psychiatry. 2015. № 24. Pp. 705-713.
15. Kowadenko N, Culjak G. Workforce planning for children and young people's mental health care // Lancet Public Health. 2018. No. 3. Pp. 266-267.
16. Nagai S., Kimura M., Honda M., Iida T., Mizuno H. Gender Differences in Help-Seeking: A Meta-analysis of Japanese Studies, Including Unreported Data // Jpn Psychol Res. 2023.
17. Velasco A., Cruz I. S. S., Billings J. et al. What are the barriers, facilitators and interventions targeting help-seeking behaviours for common mental health problems in adolescents? A systematic review // BMC Psychiatry. 2020. № 1 (20). Pp. 293-316.
18. Verboom C. E., Sijtsma J. J., Verhulst F. C., Penninx B. W. J. H., Ormel J. Longitudinal associations between depressive problems, academic performance, and social functioning in adolescent boys and girls // Dev Psychol. 2014. № 1 (50). Pp. 247-257.
19. Wendt D., Shafer K. Gender and Attitudes about Mental Health Help Seeking: Results from National Data // Health & Social Work. 2016. № 1 (41). Pp. 20-28.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является половая специфика обращения российских подростков за профессиональной психологической помощью. В качестве методологии предметной области исследования в данной статье был комплексно использованы теоретические и эмпирические методы исследования. Основной метод сбора данных, использованный в исследовании, - это онлайн-опрос. Как было отмечено в статье, выборка исследования является квотной,

кластеризированной, репрезентативной по полу, возрасту, численности подростков в федеральных округах РФ и типах населенных пунктов, а также их поло-возрастному распределению в каждом из федеральных округов. Обработка и анализ полученных данных произведен в IBM SPSS Statistics. В рамках данной статьи представлены результаты исследования, выявленные одномерным частотным анализом.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, так в данном исследовании отмечается, что в настоящее время обращаемость подростков за психологической помощью отчетливо прослеживается не только в мировом, но и в российском контексте. Данная проблема стала чаще оказываться во внимании отечественных исследователей, в частности, изучавших проблематику ментального здоровья подростков в контексте факторов их обращения за профессиональной помощью, формирования потребности в ней, специфики отдельных узких групп подростков, нуждающихся в социально-психологической поддержке. Кроме того, вопросы масштабирования и повышения эффективности системы психологической помощи в РФ, в частности, применительно к целевым группам подростков, также становятся объектом законодательства и государственной политики.

Научная новизна исследования заключается в проведении количественного исследования, где в качестве объекта были определены подростки 14-17 лет, проживающие на территории 85 субъектов РФ. Предметом исследования стали социальные практики и установки подростков в сфере заботы о собственном ментальном здоровье и получении профессиональной помощи. Общий объем выборочной совокупности составил 17 000 респондентов.

Статья изложена языком научного стиля с очень грамотным использованием в тексте терминологии и дефиниций по теме исследования.

Структура четко выдержана с учетом всех требований, предъявляемых к написанию научных статей, а именно включает в себя такие основные структурные элементы как введение, теоретическую рамку, методологию, результаты, выводы и обсуждение, библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенно ценным в содержании исследования следует отметить приведенные наглядные материалы, представленные в табличной форме и в виде рисунков, что существенно облегчает возможность восприятия информации, используемой для анализа в проведенном социологическом исследовании, характеризующих распределением ответов респондентов на ряд наиболее интересных и важных вопросов, включенных в онлайн-опрос в рамках заявленной темы исследования.

Библиография содержит 19 источников, включающих в себя российские, так и зарубежные периодические и неперіодические издания, что подтверждает постоянную актуализацию научных тенденций исследуемой проблематики при проведении данного исследования.

Поскольку представленное исследование сочетает в себе теоретико-методологические подходы с проведением эмпирического исследования, то в данной статье очень активно приводится обсуждение и апелляция к точкам зрения известных авторов, изучающих вопросы гендерной специфики обращения подростков за профессиональной психологической помощью.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающиеся предметной области исследования, а именно, в статье отмечается, что очень важным является субъективная оценка подростками результатов внешнего вмешательства, которым, согласно данным, также свойственна дифференциация по половому признаку. Механизмы повышения качества психологической работы с девушками, чаще сталкивавшихся с неудовлетворительными результатами своего обращения, как и

эффективность профилактической и просветительной работы с юношами 14-17 лет, испытывающими преимущественно социально-психологическое сложности в обращении за помощью, рекомендуется также разрабатывать на основе будущих социологических и психологических исследований данной проблематики.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией образовательных организаций, центрам психологической помощи и психологическим клиникам, педагогам-психологам, социальным работникам, работниками органов исполнительной власти различных уровней.

В качестве недостатков данной статьи можно отметить, что в структуре работы четко не определены и не озаглавлены такие структурные элементы исследования как актуальность и новизна, хотя они не вызывают сомнения и само содержание исследования их подтверждает. При оформлении текста работы наименование таблицы 1 расположено под самой таблицей, хотя в научных работах в соответствии с требованиями ГОСТа заголовки таблицы должен быть перед самой таблицей, а не после нее. Данные замечания не умаляют качество самого исследования и его несомненную высокую теоретическую и практическую значимость, а носят лишь рекомендательный характер. Статью рекомендовано опубликовать.